

КОЖИНА Марина Андреевна

**ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ПОЛИДИСКУРСИВНОСТИ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент,
Филь Юлия Вадимовна

Официальные оппоненты: **Демешкина Татьяна Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», филологический факультет, декан

Гриценко Любовь Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», кафедра русского языка как иностранного, доцент

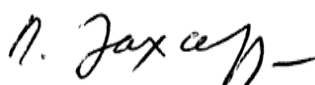
Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул)

Защита состоится 24 декабря 2012 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 22 ноября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Захарова Людмила Андреевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено описанию языковых маркеров полидискурсивности в художественном тексте (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма, характеризующаяся антропоцентрической направленностью и функциональным взглядом на язык, по-новому расставила акценты в исследовании языковых явлений.

Актуальность данного исследования обусловлена повышенным вниманием лингвистики к разным типам дискурсов, различные аспекты изучения которых широко представлены в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей (Л. Витгенштейн, Р. Водак, Т. ван Дейк, М. Пеше, П. Серио, Дж. Серль, М. Фуко, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, И.В. Силантьев, К.Ф. Седов, Ю.С. Степанов, З.И. Резанова, В.Е. Чернявская и др.). Исследователями отмечается междисциплинарность термина «дискурс», содержание которого объединяет в себе широкий спектр лингвистических и экстралингвистических характеристик определенного типа коммуникации.

Исследования последних лет, посвященные анализу художественной коммуникации, характеризуются многообразием теоретических ориентаций и точек зрения на проблемы изучения текста и его единиц (И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, Ю.В. Казарин, Н.А. Купина, О.И. Москальская, О.Г. Ревзина и др.). Среди подобных работ в научной литературе представлены лингвистические и литературоведческие исследования творчества Ф.М. Достоевского, в них обсуждаются вопросы отдельных составляющих комплексного явления «дискурс Ф.М. Достоевского» / «текст Ф.М. Достоевского», дифференциация которых обусловлена либо тематическим критерием, вследствие чего выделяются криминологический, истерический, виктимологический дискурсы, дискурс безумия, личного отчаяния и др. дискурсы в творчестве писателя (В.А. Бачинин, М.А. Зиминая, А.Н. Кошечко, Р. Лахманн, Е.Г. Новикова, Е.Ю. Сафронова и др.), либо жанрово-стилистическим критерием, на основании которого выделяются и описываются публицистический, эпистолярный, притчевый и др. типы дискурсов Ф.М. Достоевского (В.И. Габдуллина).

Несмотря на целый ряд литературоведческих исследований, посвященных проблематике и характерологии романа «Преступление и наказание» и других составляющих Пятикнижия (М.М. Бахтин, Л.П. Гроссман, В.Г. Одинокоев, Р.Г. Назиров, Т.А. Касаткина, Б.Н. Тихомиров, Л.И. Сараскина и др.), лингвистическая специфика дискурса Ф.М. Достоевского оказывается недостаточно изученной. В рамках современной парадигмы дискурс Ф.М. Достоевского может быть рассмотрен как частный случай художественного дискурса XIX в., характеризующийся теми же дискурсивными признаками, которые отличают художественный дискурс, и индивидуально-авторским отражением картины мира писателя и особенностями языкового оформления его текстов.

В русле современных дискурсивных исследований особое внимание ученых направлено на осмысление явления полидискурсивности, изучение которого приобретает все большую **актуальность** в связи с выявлением фактов взаимодействия и пересечения различных дискурсов в процессах речевой

коммуникации. Принципы коммуникации таковы, что в границах одного текста может взаимодействовать ряд различных дискурсов.

Художественная коммуникация как совершенно специфическая дискурсивная практика интенсивно взаимодействует с другими типами дискурсов, результатом чего является апелляция участников художественного дискурса к моделям иных дискурсов и применения их для создания художественных текстов. Результаты подобного взаимодействия отражаются на жанровом, концептуальном и языковом уровнях текста. В связи с этим особый научный интерес представляет исследование языковых маркеров полидискурсивности на материале текста романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», органично сочетающего в себе «следы» разных дискурсов, присутствие которых в тексте обусловлено целым рядом причин и дискурсивных установок.

Кроме того, **актуальность** работы определяется тем, что в центре исследований оказываются основополагающие элементы той или иной концептосферы и средства их репрезентации. Поиск и описание единиц для наиболее «адекватного обозначения содержательной стороны языкового знака» (С.Г. Воркачев) характерны для антропоцентрической парадигмы современного языкознания в целом. Термин «концепт» как вполне отвечающий заявленным задачам не просто актуален для лингвистических исследований самого широкого спектра, но и переживает «второе дыхание» и подвергается серьезному научному переосмыслению. Так, исследователи отмечают дискурсивную природу концепта, влияние дискурсивных факторов на формирование и трансформацию концептуального содержания. При таком взгляде на концепт становится очевидным естественная связь между дискурсом и определенными концептами, поскольку дискурс «концентрируется» вокруг ряда ключевых концептов, а концепты создают общий для участников дискурса мир, «который «строится» по ходу развертывания дискурса» (В.З. Демьянков). В данной работе рассматриваются концепты «преступление» и «наказание», которые являются дискурсообразующими для юридического, религиозного дискурсов и художественного дискурса и представлены в тексте романа через единицы, репрезентирующие дискурсивные варианты концептов и находящиеся в отношениях пересечения.

Объектом нашего исследования является полидискурсивность художественного текста. Под полидискурсивностью художественного текста понимается его свойство транслировать модели разных дискурсов, соединяя и перерабатывая их в своей структуре.

Предметом исследования выступают языковые маркеры полидискурсивности в художественном тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Целью данного исследования является выявление и описание языковых маркеров полидискурсивности в художественном тексте в аспекте их жанровой и концептуальной обусловленности (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение следующих **задач**:

1. Описать функциональные и языковые особенности дискурсов, модели которых использованы для создания текста романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», на примере юридического и религиозного дискурсов.

2. Выявить особенности реализации и трансформации жанров юридического и религиозного дискурсов в структуре художественного текста.

3. Описать средства языкового оформления вторичных речевых жанров в структуре художественного текста.

4. Выявить и описать специфику содержания и языковой репрезентации концептов «преступление» и «наказание» в русском языке.

5. Описать дискурсивную вариативность концептов в юридическом и религиозном дискурсах и в тексте романа «Преступление и наказание».

6. Определить зоны пересечения и расхождения в системе языковых маркеров, репрезентирующих дискурсообразующие концепты в указанных дискурсах и в тексте романа «Преступление и наказание».

Материалом исследования выступает текст романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

В качестве основного подхода работы избран **дискурсивный подход**, обращение к которому заложено в работах зарубежных исследователей (Харрис, 1952; Бенвенист, 1974; Дейк, 1988, 1989; Водак, 1997; Серио, 1999 и др.) и продолжено в работах отечественных лингвистов (Николаева, 1978; Борботько, 1981; Степанов, 1995; Демьянков, 1995; Кубрякова, 1997; Карасик, 2000, 2004; Макаров, 2003; Силантьев, 2004, 2006 и др.).

Выбор и специфика **методов исследования** определяются объектом изучения и целью исследования.

На разных этапах **исследования** использовались **дискурсивный** и **концептуальный** анализ:

дискурсивный анализ, направленный на выявление социальных, культурно-исторических, идеологических и др. факторов, обусловивших появление данного текста в совокупности с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок; его дискурсивно-жанрового своеобразия; а также на анализ контекстуального окружения единиц, маркирующих тот или иной дискурс, модели которого использованы для создания текста, и уточнение их значения;

концептуальный анализ, позволяющий описать модель концептов «преступление» и «наказание» за счет выявления поля лексических репрезентантов исследуемых концептов и единиц, связанных с ними ассоциативными связями. При этом **компонентный** и **контекстуальный** анализ дают возможность исследовать значения слов-репрезентантов ключевых концептов романа, определить их функциональную нагрузку в структуре романа.

Кроме того, в работе использовались **прием интроспекции** при анализе функций репрезентантов исследуемых концептов в структуре текста романа, **прием статистической обработки** текста для выявления частотности репрезентантов концептов при помощи программы Wordstat, а также **сравнительно-сопоставительный прием**, направленный на выявление специфики дискурсов, организующих текст романа, и реализации их ключевых концептов.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Выявлены и описаны языковые маркеры междискурсивного взаимодействия и трансформации дискурсов в художественном тексте (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).

2. На материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» проанализированы особенности жанрового и концептуального взаимодействия дискурсов, на пересечении которых формируется художественный текст; описаны языковые репрезентанты указанного взаимодействия.

3. Представлен концептуальный анализ специфики содержания и языковой репрезентации концептов «преступление» и «наказание» в юридическом и религиозном дискурсах и в художественном тексте (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).

Теоретическая значимость работы заключается:

- в дальнейшей научной разработке проблемы взаимодействия дискурсов разного типа в структуре художественного текста;

- в дальнейшей разработке вопросов применения и возможностей дискурсивного анализа к описанию художественного текста на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»;

- в разработке вопросов концептуального анализа и исследовании специфики дискурсивного содержания и языковой репрезентации концептов на материале художественного текста.

Практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в учебно-педагогической практике при разработке и преподавании курсов по дискурсивной и когнитивной лингвистике, теории текста, в том числе анализу художественного текста, стилистике русского языка. Данные, полученные в ходе работы над темой, могут быть применены в качестве иллюстративного материала при чтении специальных курсов, направленных на изучение концептосферы и языка Ф.М. Достоевского.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Полидискурсивность художественного текста заключается во взаимодействии художественного дискурса с иными дискурсами и проявляется на тематическом, жанровом, концептуальном и языковом уровнях текста.

2. Включение в структуру художественного текста моделей нехудожественных дискурсов происходит через использование в нем жанров данных дискурсов (их моделей или отдельных признаков). В текст романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» включаются жанровые модели юридического дискурса, представленного в тексте допросом и судебной речью, и модели религиозного дискурса, представленного проповедью и исповедью.

3. Использование в структуре художественного текста моделей жанров нехудожественных дискурсов сопровождается их обязательной содержательной и структурной трансформацией, степень которой определяется целями и стратегиями автора, а также сочетанием языковых маркеров взаимодействующих дискурсов.

4. Трансформация модели жанра допроса, маркирующего юридический дискурс, в структуре романа «Преступление и наказание» затрагивает ряд жанровых признаков и проявляется в смешении языковых единиц, репрезентирующих как юридический, так и авторский дискурсы.

5. Использование юридического жанра судебной речи в тексте романа сводится не к трансформации его жанровой модели, а к использованию отдельных параметров данной модели, выбранных автором для осуществления частных задач художественного текста.

6. Реализация моделей жанров проповеди и исповеди в тексте романа «Преступление и наказание» сопровождается принципиальным изменением всех жанровых признаков, которое на языковом уровне проявляется через совмещение маркеров религиозного и авторского дискурсов.

7. Полидискурсивность художественного текста на дискурсивно-концептуальном уровне проявляется во взаимодействии концептов, актуализирующих соответствующие дискурсы в тексте. Концепты «преступление» и «наказание» в структуре романа «Преступление и наказание» организуются на основе их дискурсивных вариантов в юридическом и религиозном дискурсах, характеризуются особой содержательной моделью, обусловленной нравственно-религиозными и коммуникативными установками Ф.М. Достоевского.

8. Результаты дискурсивно-концептуального взаимодействия в художественном тексте на языковом уровне выражаются в формально-семантическом пересечении языковых единиц, маркирующих юридическую, религиозную и собственно авторскую модели концепта «преступление» - *преступление, грех, теория*, а также единиц *болезнь, страдание*, маркирующих в тексте одновременно концепты «преступление» и «наказание».

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, на II Всероссийской научно-практической конференции «Письменная русская речь в ВУЗе и школе: теория и практика» (Кемерово, 2010), на Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2009, 2010, 2011, 2012), на Международной научной конференции «Язык и культура» (Томск, 2010), на II Международной научной конференции «Речевая коммуникация в современной России» (Омск, 2011). По теме диссертации опубликовано 10 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав, заключения, списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, определяются цель, задачи и методика работы, выделяются объект и предмет описания, указываются новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость.

В **первой главе «Дискурсивные исследования в современной лингвистике»** определяются теоретические и методологические основы работы. В **разделе 1.1. «Понятие «дискурс» в кругу смежных понятий»** представлен обзор работ, посвященных содержанию понятия «дискурс» (Арутюнова, 1990; Бахтин, 2000; Борботько, 1981; Карасик, 2000, 2004; Кибрик, 2003; Кубрякова, 2000, 2005; Макаров, 2003; Степанов, 1995; Силантьев, 2004, 2006 и др.).

Двойное понимание дискурса как деятельности и как результата этой деятельности, напрямую зависящего от условий и характеристик указанной деятельности, приводит к формированию двух основных подходов к определению термина «дискурс». При первом подходе дискурс определяется как **речевая деятельность** (Кубрякова, Александрова, 1997; Михальская, 1997; Кибрик,

Плунгян, 1997 и др.), при этом актуализируются понятия «речевое поведение», «когнитивно-речевой процесс». При втором подходе дискурс интерпретируется как **результат деятельности**, в центре внимания оказывается представление дискурса как совокупности текстов, детерминированных определенными социально-коммуникативными факторами (Арутюнова, 1990; Дейк, Кинч, 1988; Николаева, 1978; Степанов, 1995 и др.).

В настоящем исследовании под **дискурсом** понимается «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» (Манаенко, 2003, 11-12).

В разделе 1.2 «Типологии дискурсов. Модели описания дискурса» описываются существующие типологии дискурсов, а также модели их описания. В центре внимания исследователей находятся разные типы дискурса, выделение которых основывается на общности тематики, целей и участников общения и др. параметров. С позиций социолингвистики противопоставляются личностно-ориентированный дискурс и институциональный дискурс. Виды **институционального** дискурса выделяются в соответствии с принятыми в обществе сферами общения и сложившимися социальными институтами: политический, юридический, педагогический, религиозный, рекламный, спортивный, научный, виртуальный и др. (Карасик, 1999; Кожемякин, 2010; Кочетова, 1999; Чернявская, 2003; Шейгал, 2000; Щербинина, 2010).

Представленные в научной литературе модели описания дискурсов, основанные на моделях описания дискурса Р. Водак, Н. Фэрлоу, Т.А. ван Дейка, М. Фуко и др., строятся в соответствии с исследовательскими представлениями о дискурсе, его специфике и функциональных характеристиках (Карасик, 2004; Макаров, 2003; Манаенко, 2003; Резанова, 2003; Силантьев, 2006; Чернявская, 2006 и др.). В качестве основных признаков, по которым ведется описание дискурсов, исследователи выделяют участников общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики), ситуацию общения (сферу общения, коммуникативную среду); организацию общения (мотивы, цели, стратегии, вербальные и невербальные средства и др.).

В настоящем исследовании особенности строения и функционирования дискурсов, на пересечении которых сформировался текст романа «Преступление и наказание», выявляются через описание таких дискурсивных параметров, как **тематика, участники, цели, ценности (концепты), жанровый состав и языковое воплощение**.

В фокусе внимания современных исследований находится явление **полидискурсивности** как феномен смешения и взаимодействия различных дискурсов в коммуникативном пространстве (Филипс, Йоргенсен, 2004; Серио, 1999; Денисова, 2008; Костяшина, 2009; Силантьев, 2004; Тубалова, 2009 и др.). Данному явлению посвящен **раздел 1.3. «Полидискурсивность как объект исследования современной лингвистики»**.

Полидискурсивность представляет собой взаимодействие дискурсов, проявляющееся в рамках одного текстового пространства. В фокусе данной работы полидискурсивность рассматривается как особое свойство художественного текста

транслировать разные когнитивные модели, то есть соединять в себе модели различных дискурсов и трансформировать их в своей структуре, подчиняя авторским задачам. Художественный дискурс представляется полидискурсивным по своей сути, источником **полидискурсивности** в этом случае может служить любой дискурс. Характер дискурсивного смешения и взаимодействия можно выявить в рамках текста.

Понятие полидискурсивности отражает природу и сущность дискурсивного пересечения и взаимодействия в тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Художественные искания писателя отразились в пересечении юридического, религиозного, философского, идеологического, бытового и иных дискурсов, легших в основу дискурсивной структуры романа.

Полидискурсивность характеризует принципы создания художественного текста и проявляется на тематическом (в выборе темы произведения), сюжетном (во внутренней сюжетно-фабульной организации текста), концептуально-ценностном (в построении концептуальной основы текста на основе соединения/сопоставления общекультурной и авторской картины мира) и языковом (в подборе соответствующих для оформления коммуникативного замысла языковых средств) уровнях. При этом языковые маркеры полидискурсивности обозначают области тематического, жанрового, концептуального пересечения данных типов дискурсов в художественном тексте.

Полидискурсивность исследуемого художественного текста анализируется по следующей модели. Во-первых, описываются дискурсы, формирующие полидискурсивную структуру текста романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (в данном случае рассматриваются юридический и религиозный дискурсы).

Во-вторых, с целью выявления маркеров полидискурсивности анализируются жанры юридического и религиозного дискурсов, которые привносятся в художественный текст в качестве общих жанровых моделей или их отдельных параметров и трансформируются в художественном тексте под влиянием принимающего (художественного) дискурса, «переплавляются» в нем.

В-третьих, анализируются ключевые концепты «преступление» и «наказание», являющиеся дискурсообразующими для юридического и религиозного дискурсов, отражающие конкретные фрагменты соответствующих дискурсивных картин мира, и художественные концепты «преступление» и «наказание», организующие концептуальную основу романа Ф.М. Достоевского. Далее определяются языковые маркеры, репрезентирующие концепты в указанных дискурсах и в художественном тексте, выявляются области пересечения концептов.

В разделе 1.4. «Художественный дискурс и художественный текст» рассматриваются особенности дискурсивного подхода к описанию текстов как результатов речевой деятельности и его возможности, в том числе и в исследовании художественного текста, анализе его многоаспектного характера. **Художественный текст** в этой связи понимается как результат дискурсивной деятельности, а **художественный дискурс** – как сама деятельность по созданию, восприятию и интерпретации художественного текста.

Проблеме определения художественного дискурса посвящено значительное количество работ разных исследователей (Т.А. ван Дейк, Н.Д. Арутюнова,

В.И. Карасик, М.Л. Макаров, И.В. Силантьев, Ц. Тодоров, В.И. Тюпа и др.), проблема его статуса определяется особой природой художественного творчества. Данные исследования поддерживают богатые литературоведческие, культурологические, лингвистические традиции описания художественных текстов, характерные для отечественной науки, в которых описывается многообразие жанровых вариаций, творческих стратегий, языковых средств, определяющих художественный дискурс (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Л.В. Щерба и др., а также Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, И.Е. Васильев, И.Р. Гальперин и др.).

Большинство исследователей относят художественный дискурс к **институциональному типу** и рассматривают его как особую дискурсивную практику наряду с научной, религиозной, юридической и др., базовым понятием для которых является соответствующий социальный институт, в данном случае – институт художественной литературы. Целью художественного дискурса является познание мира и эстетическое воздействие на сознание читателя, представляющего вместе с автором текста основных участников дискурса. Исследователями отмечается крайняя неоднородность художественного дискурса, представленного дискурсами отдельных писателей, характеризующимися особой спецификой и ценностной составляющей; зависимость дискурса от хронологических, культурно-исторических и других факторов.

В рамках новой научной парадигмы актуализируется понятие **«дискурс Достоевского»/ «текст Достоевского»**, которое представляется сложным научным объектом, обусловленным художественным феноменом писателя (см. работы В.И. Габдуллиной, А.Н. Кошечко, Е.Г. Новиковой, Е.Ю. Сафроновой, и др.).

Термин **«дискурс Достоевского»** в литературоведческом аспекте характеризует тематические сферы или жанрово-стилистические особенности творчества писателя. В данном исследовании под дискурсом Достоевского понимается персонифицированный (авторский) тип художественного дискурса, в котором преломляются политические, экономические, идеологические, философские и другие мировоззренческие установки автора, на основе которых творчество писателя вписывается в художественный дискурс эпохи и мировой культуры. С другой стороны, данный дискурс характеризуется индивидуально-авторским отражением картины мира писателя, что выражается в выборе им тех или иных жанровых и языковых средств для воплощения тематического и идейного содержания своих текстов.

Результаты многочисленных исследований художественного метода, жанровых форм, языка и стиля Ф.М. Достоевского позволяют говорить о **разнообразии тематической направленности** художественного дискурса Достоевского (право, религия, история и экономика России и др.); **специфике ценностной картины мира** писателя, представляющей собой сложнейшую систему художественных концептов, важных для мировоззрения писателя и русской культуры в целом (истина, свет, тьма, бесы и др.); ярких **языковых особенностях** текста Достоевского (лексике с семантикой чрезмерности, внезапности, странности, единиц со значением ментальных процессов, раскованности синтаксических конструкций, текстовых включений библейского текста и т.д.).

Вторая глава «Полидискурсивность романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: дискурсивно-жанровый аспект» посвящена

исследованию функциональных, жанровых и языковых особенностей юридического и религиозного дискурсов и анализу функционирования жанровых моделей указанных дискурсов в художественном тексте.

В разделе 2.1 «Понятие «жанр» в когнитивно-дискурсивной парадигме» рассматривается проблема описания жанров речи. Каждый дискурс реализуется в системе жанров как типовых формах речевой деятельности, выбор которых обусловлен социокультурным контекстом. В данном исследовании представляется важным определить характер вхождения жанров (жанровых моделей) разных дискурсов в структуру художественного текста.

Ставшее традиционным для лингвистики представление жанра как определенной модели позволяет описать жанр по разным жанровым признакам, заполняющим модель (С. Гайда, В.Е. Гольдин, К.А. Долинин, Т.В. Шмелева и др.). Выбор тех или иных параметров для описания жанров определяется аспектом исследования и своеобразием материала.

В настоящем исследовании выявляются языковые показатели жанров, поскольку жанры, принадлежащие тому или иному дискурсу, попадая в иное дискурсивное пространство, «отсылают» читателя к родному дискурсу через подобные дискурсивные и жанровые маркеры. При этом включение в художественный текст жанровых моделей разных дискурсов приводит к полному или частичному переносу жанровых признаков в принимающий дискурс, а также неизбежной трансформации этих признаков.

В данном случае исследование сосредоточено на функционировании жанровых моделей юридического и религиозного дискурсов, организующих текст романа «Преступление и наказание», которые описываются с учетом следующих факторов: коммуникативная цель жанра, коммуниканты (адресант и адресат), их статусные роли, содержание жанра, место коммуникации, тип коммуникации (закрытый / открытый; официальный / неофициальный), коммуникативные стратегии и тактики; языковое воплощение жанра; особенности функционирования жанра в составе художественного дискурса.

В разделе 2.2 «Юридический дискурс как объект лингвистического описания» описываются институциональные параметры дискурса, который рассматривается как тип речевого поведения в сфере правового урегулирования социальных взаимоотношений, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов права (и по поводу права) как компонентов, составляющих и отображающих его специфику. В научной литературе (Голев, 2002; Ивакина, 1997; Колесникова, 2007; Палашевская, 2012; Петрук, 2007 и др.) отмечаются такие специфические черты юридического дискурса, как аргументативность, функциональность, прагматичность и т.д.; представлены исследования отдельных параметров дискурса. В качестве системообразующих признаков юридического дискурса выделяются **цель** (регулирование и контроль общественных отношений), ценности, закрепленные в **ключевых концептах** (закон, право, истина, преступление, наказание), **жанровый состав** (указ, договор, допрос, судебная речь, приговор и др.). **Язык юридического дискурса** представляет собой комплекс средств, обслуживающих сферу правовых отношений, и направлен на поддержание функции долженствования. Для него характерны формальность, точность,

терминологичность, однозначность, простота грамматических конструкций, эмоциональная нейтральность.

В разделе 2.3 «Жанры юридического дискурса в художественном тексте» рассматриваются особенности включения жанров юридического дискурса в художественный текст, которые анализируются на примере **допроса** и **судебной речи**, которые занимают важное место в смысловой и концептуальной структуре романа.

Жанр допроса отражает сюжетный ход событий в художественном тексте: совершено преступление – преступник вызывается повесткой на допрос. Модель **допроса** реализуется в соответствии с параметрами данного жанра в юридическом дискурсе. В эпизоде первичного **допроса** Раскольников представлен типичная сцена вызова по повестке к квартальному надзирателю для написания отзыва (объяснительной) о неуплате долга, в которой сохраняется **внешняя ритуальность**, характерная для жанра институционального дискурса; **место действия** (общественный институт – контора квартального надзирателя), **формальные роли участников дискурса** (квартальный надзиратель и неплательщик) соответствуют признакам жанра допроса. **Языковые особенности реализации жанра** обусловлены его исконной отнесенностью к юридическому дискурсу, что выражается в использовании соответствующих средств: юридической терминологии (*повестка, заемное письмо, пенные, заимодавец* и др.); канцелярских выражений и клише (*поступить по законам, письменный отзыв, дать отзыв*); императивов (*прочтите, подпишитесь* и др.); лексики долженствования (*вы должны дать отзыв и обязательство*); сложных высказываний с придаточными времени, причины, следствия, условия (*Вы должны или уплатить со всеми издержками, ценными и прочими, или дать письменно отзыв, когда можете уплатить*); безличных и неопределенно-личных конструкций (*А в котором часу вам приходится написано, милостисдарь?*)¹.

Однако в художественном тексте происходит изменение жанровой модели допроса, которая наполняется иным содержанием, обусловленным сюжетом романа. Трансформации подвергаются такие параметры жанровой модели, как **содержание сообщения** (квалификация административного проступка главного героя (неуплата долгов) преобразуется в уголовное преступление (виновность в убийстве)); **коммуникативной цели** допроса, несовпадение **коммуникативных намерений** коммуникантов (квартальному надзирателю необходимо взять объяснительную с неплательщика, Раскольников планирует либо покаяться, либо скрыть свою причастность к преступлению). Кроме того, трансформируются **языковые средства** реализации жанровой модели допроса. Языковые маркеры юридического жанра, отмеченные выше, в связи с изменением содержания жанра в художественном тексте сменяются единицами иных дискурсов, институциональность участников допроса, строго предписанная юридическим дискурсом, «стирается». На языковом уровне это проявляется через разговорную и даже бранную лексику (*сами подличают; ишь какой вылетел сокол ясный*); эмоционально-окрашенные единицы, экспрессивные выражения (*Тебе чего?; Не грубиянить, сударь! О жалкий, подлый человек!; Да вы рехнулись иль нет,*

¹ Все цитаты из романа «Преступление и наказание» даются по академическому полному собранию сочинений Ф.М. Достоевского в 30-ти томах, Л., 1971-1990.

молокосос?) и др. Анализ текста демонстрирует, что использование модели жанра допроса сопровождается языковыми маркерами авторского дискурса, которые точно пронизывают текст и способствуют реализации творческих стратегий автора: единицами внезапности и странности (*Странная мысль пришла ему вдруг*), чрезмерности (*Я очень был легкомыслен...*), кажимости (*...если бы вдруг комната наполнилась не квартальными, а первейшими друзьями его*), многочисленных глаголов ментальной (*думать, подумать*) и речевой деятельности (*спросил, сказал, отвечал, вскрикнул, прокричал*) и др. Данные единицы показательны в аспекте их частотности: *вдруг* – 15 раз, *странный* – 5, *точно* – 3, *очень* – 9, *думать* и его производные – 8.

В отличие от допроса, модель судебной речи (обвинение Сони Лужиным в воровстве), использованная Достоевским, наполняется в художественном тексте принципиально иным содержанием, чем в дискурсе-доноре, что дает основания говорить не о трансформации модели жанра, а об использовании ее отдельных параметров для осуществления частных задач художественного текста.

В целом использование моделей традиционных юридических жанров составляет содержание полидискурсивности романа и обрамляет процесс поиска автором нравственно-религиозной основы преступления и наказания.

Раздел 2.4 «Религиозный дискурс как объект лингвистического описания» посвящен описанию религиозного дискурса, который занимает особое место в системе институционального общения, поскольку связан с древнейшей формой общественного сознания. Данный дискурс имеет богатую традицию изучения со стороны теологов, философов, литературоведов и лингвистов. Среди работ, посвященных религиозной тематике, выделяются исследования жанров религии, религиозно-проповеднического стиля, ценностной картины мира и особенностей функционирования религиозного дискурса в дискурсах иной природы (Баймуратова, 2010; Бобырева, 2007; Карасик, 1999; Пиевская, 2006; Сайко, 2008;).

Религиозный дискурс характеризуется особой **целью** (приобщение к Богу) и **системой жанров** (молитва, исповедь, проповедь и др.). К особенностям **языкового воплощения** религиозного дискурса относят религиозную терминологию, возвышенно-архаизированную церковнославянскую и оценочную лексику, разнообразные изобразительно-выразительные средства, цитаты сакральных текстов и т.п.

В разделе 2.5 «Жанры религиозного дискурса в художественном тексте» анализируется включение жанровых моделей **проповеди** и **исповеди**, репрезентирующих ценностную картину религиозного дискурса, в структуру романа.

В сцене чтения Сонечкой Мармеладовой притчи о воскрешении Лазаря представлена своеобразная **проповедь**: по формальным жанровым канонам один коммуникант доносит слово Божье до другого (*...Соня отдельно и с силою прочла, точно сама во всеуслышание исповедовала...*), содержание проповеди выстраивается через цитирование одиннадцатой главы Евангелия Иоаннова, частично измененной Ф.М. Достоевским. **Языковые маркеры жанра** проповеди в художественном тексте можно квалифицировать как прямые и описательные. При этом прямые маркеры жанра представляют собой цитаты сакрального текста (*«Иисус же, опять скорбя внутренно, проходит ко гробу. То была пещера, и камень*

лежал на ней»); перифразы (*сын божий, образ Христов* и др.); многочисленные императивы (*поди и посмотри, смотри, иди вон, развяжите, пусть идет*). Описательные маркеры жанра охватывают единицы, реализующие саму проповедь и тематику дискурса в целом: религиозную лексику (*церковь, панихиду служить, молитва* и др.); высокую лексику (*бога узрит* и др.).

Однако использование проповеди в рамках дискурса иного порядка связано с принципиальным изменением ее жанровых признаков. Трансформация модели жанра касается **места** и **типа** коммуникативной ситуации, поскольку проповедь как публичная речь предполагает в качестве места своего произнесения - храм или церковь, а также наличие широкой аудитории верующих. В данном случае проповедь носит закрытый локализованный характер и происходит вне стен церкви. Несоответствие модели религиозного дискурса проявляется также в том, что участники проповеди не имеют соответствующих для данного жанра **статусных характеристик**, расхождение в характеристиках, присущих проповеднику, отражается на языковом уровне: *Она пересилила себя, подавила горловую спазму, пресекающую в начале стиха ее голос* (Т. 6. С. 250). В художественном тексте происходит и смешение коммуникативных жанровых ролей, поскольку проповедь Сони для нее самой оказывается исповедальным таинством: *Он понял, что чувства эти действительно как бы составляли настоящую и уже давнишнюю, может быть, тайну ее* (Т. 6. С. 250).

В художественном тексте трансформируются **структура** жанра, содержание которого редуцируется и сводится к чтению притчи, а также **языковое воплощение** жанра. Проповедь, предполагающая в религиозном дискурсе богатство языковых средств, в тексте характеризуется немногословностью проповедника (Сони), обусловленной замыслом романа. Воздействие на сознание адресата оказывается опосредованным, происходит двойное использование модели жанра: словами Сони до героя (и читателя) доносится сакральный текст, посредством околожанрового авторского комментария описывается поведение героев, их голоса. Включение проповеди в общую структуру художественного текста подразумевает пересечение языковых особенностей проповеди и языковых особенностей художественного дискурса (в данном случае дискурса Ф.М. Достоевского). В сцене проповеди представлены следующие маркеры авторского дискурса: слова внезапности (*- Где тут про Лазаря? - спросил он вдруг...*); слова странности (*Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги*); ментальные глаголы (*подумал (а), понимал (а), узнал, предчувствуя* и др.) и глаголы речевого поведения (*крикнул, ответила, спросил, прошептала, бормотал, воскликнул, проговорил* и др.), которые оказываются принципиально важными в описании мыслей и чувств участников общения.

Подобная картина трансформации жанровой модели наблюдается и при использовании жанра исповеди. В целом обращение Ф.М. Достоевского к моделям религиозного дискурса и их авторская модификация отразились в художественном тексте посредством осмысления и противопоставления правовых и нравственно-религиозных категорий. Подобное междискурсивное взаимодействие позволяет писателю не только выстроить сюжетную линию романа, но и через дискурсивную закреплённость жанров соотнести соответствующие дискурсивные картины мира,

передать читателю свою убежденность в приоритете нравственно-религиозных принципов человека. Полидискурсивность текста достигается за счет актуализации разных языковых единиц, органично сочетающихся в художественном тексте.

Дискурсивно-концептуальный уровень полидискурсивности художественного текста, предполагающий апелляцию писателя к дискурсам-донорам через дискурсообразующие концепты, представленные одновременно в разных дискурсах, описывается в **третьей главе** исследования **«Полидискурсивность романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: дискурсивно-концептуальный аспект»**.

Раздел 3.1 «Языковая и дискурсивная картины мира» посвящен проблеме соотношения концептуальной, языковой и дискурсивной картин мира. Концептуализированные фрагменты действительности находят отражение в языке через языковую картину мира, которая складывается из разных дискурсивных вариантов. Специфика каждой дискурсивной картины мира заключается в принадлежности к той или иной форме социального взаимодействия и обусловленности правилами данной дискурсивной практики, в которой объединение коммуникантов является основополагающим параметром. Детерминированность экстралингвистическими факторами обуславливает вариативность и изменчивость дискурсивной картины мира. В данной главе делается акцент на концептуальных особенностях религиозного, юридического и художественного дискурсов, на пересечении которых выстраивается текст романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

В **разделе 3.2 «Основные подходы к изучению понятия «концепт»** характеризуется содержание понятия «концепт», описываются сложившиеся традиции в его исследовании. В качестве основной единицы когнитивных исследований новой научной парадигмы выступает «концепт» как связующее звено между языком, сознанием и культурой. Данное понятие активно разрабатывается исследователями как в когнитивной лингвистике (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин и др.), так и лингвокультурологии (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, В.А. Маслова, В.В. Красных, Ю.С. Степанов, Л.О. Чернейко и др.). В рамках **лингвокогнитивного подхода концепт** рассматривается как ментальная единица сознания индивида, **лингвокультурологическое понимание концепта трактует его как** компонент национальной концептосферы, в котором отражен духовный и материальный опыт народа. Данные подходы к пониманию сущности концепта не являются взаимоисключающими, а представляются разнонаправленными. Лингвокогнитивные исследования последних лет доказывают, что концепты актуализируют себя именно в дискурсе (Карасик, 2002; Крючкова, 2002; Олешков, 2009; Слышкин, 2000 и др.). При этом, как отмечают исследователи, дискурс может рассматриваться как совокупность апелляций к соответствующим концептам (Слышкин, 2000). Для описания проявлений полидискурсивности в художественном тексте принципиальной является установка на дискурсивную вариативность концепта.

В **разделе 3.3 «Художественный концепт»** характеризуется специфика художественного концепта, которая заключается в том, что, с одной стороны, он представляет собой единицу авторского мировидения, а с другой стороны, в нем отражен художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти социума, к

которому принадлежит писатель. Таким образом, **художественный** концепт сочетает в себе универсальные и личностные ценностные смыслы, детерминирован этнокультурной средой, диалогичен по природе (Зусман, 2003; Опарина, 2010; Эмер, 2011).

В разделе 3.4 «**Концепты «преступление» и «наказание»: модель описания**» представлены этапы описания концептов «преступление» и «наказание». **Во-первых**, рассмотрение ключевого слова и базовых репрезентантов концептов «преступление» и «наказание» в общекультурной парадигме XIX века через анализ словарных толкований номинантов концептов; синонимических отношений, лексической сочетаемости ключевого слова и его функционирования в паремиологических реализациях. **Во-вторых**, построение содержания концептов в качестве модели, которая складывается из параметров «объект», «субъект» преступления, «тип преступления», «характеристика преступления», «действия, совершаемые преступником» и т.д. и анализ языкового наполнения модели концептов. **В-третьих**, определение специфики представления содержания данных концептов в юридическом и религиозном дискурсах на основе указанной модели. **В-четвертых**, анализ текста романа «Преступление и наказание» для определения индивидуально-авторских вариантов рассматриваемых концептов, а также выявления языковых маркеров полидискурсивности текста романа, которая получает выражение в содержательном и языковом варьировании дискурсообразующих концептов «преступление» и «наказание».

В разделе 3.5 «**Общекультурное содержание концепта «преступление»**» отмечается, что в языковой картине мира носителя русского языка XIX века, согласно данным толковых словарей и других лексикографических источников, значение ключевого слова, репрезентирующего концепт, характеризуется отнесенностью как к правовой, так и к нравственно-этической сфере.

Ядро концепта представлено единицами *преступление, преступить, преступный, преступник(ца), преступность*, непосредственно фиксирующими преступление, маркерами «преступления», уточняющими **содержание преступления** и реализующимися в разных сферах: *грех, злодеяние, поступок противный закону, нарушение закона* и т.д. К единицам, репрезентирующим концепт «преступление», относятся глаголы, конкретизирующие **акт преступления** (*совершить преступление, убить, украсть, ограбить, изнасиловать* и т.п.), единицы, **характеризующие преступление** (*тяжкое, опасное* и т.п.), **типы преступников** (*преступник (-ца), виновный, безбожник, беззаконник, злодей, грабитель, насильник, разбойник, убийца* и др.) и смежные с «преступлением» понятия (*закон, право, суд, наказание, вина* и т.п.), каждое из которых является номинантом иных концептов, находящихся в отношениях пересечения с рассматриваемым концептом. Показательным для данного концепта является жесткая связь между преступлением и наказанием, которая отмечается в словарях XIX в., русских пословицах и текстах художественной литературы.

Раздел 3.6. «Концепт «преступление», его содержание и языковые маркеры в юридическом дискурсе» посвящен описанию дискурсообразующего концепта, который организует юридический дискурс, отражает особенности правового процесса XIX в. Система преступлений как деяний классифицируется юристами с точки зрения либо нарушения законов, установленных государством и

отраженных в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 г., либо нарушения общественных предписаний.

В ядро репрезентантов концепта «преступление» входят следующие единицы: *преступление, преступное деяние*, а также *проступок*, получивший правовой запрет, зафиксированный в нормативных документах. В ядерную зону включаются также единицы *нарушение закона, посягательство на право, злоумышление, воспрещенное деяние* и др., уточняющие содержание понятия в юридической сфере. К репрезентантам концепта следует отнести единицы, описывающие **субъект преступления** (*преступник, виновный, приговоренный* и др.), **форму соучастия в преступлении и иерархию преступников** (*скоп, заговор, шайка; зачинщик, сообщник, подстрекатель, участник* и др.), **объект преступления и его содержание** (*бунт против власти верховной, заговор против государя, кощунство, лжеприсяга, смертоубийство, растление, мздоимство* и др.), **действия, совершаемые преступником** (*убить, украсть, оскорбить, порицать Христианскую веру, присвоить чужое имущество* и др.), **стадии преступления** (*умысел, приготовление, покушение, совершение преступления*), **характеристику преступлений** (*умышленное, неумышленное, уголовное* и др.), **наказание** - *уголовные* (*смертная казнь, лишение прав* и др.), *исправительные* (*заключение в тюрьме, ссылка* и др.), *дополнительные* (*арест, внушение, церковное покаяние* и др.), **закон** (*закон положительный, уголовный закон, государство*).

В отличие от общекультурной модели «преступления» в юридической картине мира виды преступлений жестко классифицированы, не акцентируется причина преступления, но отмечаются обстоятельства, уменьшающие или увеличивающие степень вины и умысла в совершении преступления. Система репрезентантов концепта представляется разветвленной, включающей юридические термины и клише.

В разделе 3.7 «Концепт «преступление», его содержание и языковые маркеры в религиозном дискурсе» представлено исследование концепта в рамках религиозного дискурса. Ядерным значением религиозного дискурсивного концепта «преступление» является нарушение нравственного (религиозного) закона, нарушение Божьей воли. Вместе с тем понятие греха, установленное православными нравственными нормами, гораздо шире, чем представление светского права о преступлениях.

Как показал анализ, на языковом уровне ядро концепта «преступление» в религиозном дискурсе представлено двумя ключевыми единицами: *преступление, грех*. Ядерную зону также составляют единицы, обозначающие **преступника** (*преступник, грешник, убийца* и др.), квалифицирующие **тип преступления и степень его тяжести** (*убийство, хула, клевета* и др.; *тяжкий грех, смертный грех*), конкретные **действия преступника** (*убить, прелюбодействовать, украсть* и др.), **наименования страстей и грехов** человека (*алчность, гордыня, гнев, зависть, тщеславие* и др.). Указание на нарушение заповедей (и, следовательно, преступление) вербализуется также через наименование самих заповедей. Лексема *наказание* обозначает тот семантический слой концепта «преступление/грех», который связан причинно-следственными связями с обозначением нарушения заповедей Божьих. Подобная взаимосвязь концептов «преступление» и «наказание», их содержательное переплетение характерны и для юридического

дискурса, однако в данном случае (в отличие от правового преступления, наказания за которое можно избежать) наказание (кара, возмездие) мыслится как абсолютно обязательная категория.

Выполняя функцию ценностной составляющей религиозного дискурса, концепт «преступление/грех» реализуется через характерные для данного дискурса семантические оппозиции «добро-зло», «Бог-человек» и т.д. На языковом уровне это выражается посредством цитации сакральных текстов, употребления религиозной терминологии, оценочных номинативов и т.д.

Раздел 3.8 «Концепт «преступление», его содержание и языковые маркеры в романе «Преступление и наказание» посвящен анализу исследуемого концепта в художественном тексте.

Содержание художественного концепта «преступление» складывается с учетом его семантических особенностей в целом ряде дискурсов. Учитывая, что концепт объединяет универсальные (общекультурные) и индивидуально-авторские черты, то можно предположить, что концепт «преступление» (а также «наказание») в романе Ф.М. Достоевского строится на основе общекультурного содержания, юридического и религиозного дискурсивных вариантов концепта и авторского видения «преступления». В художественном тексте это проявляется через языковые маркеры соответствующих дискурсивных вариантов концепта, составляющие зоны дискурсивного пересечения.

В содержательном плане «преступление» у Ф.М. Достоевского – это отклонение от нормы, т.е. болезнь души, вызывающая ненормативные поступки, за которые преступник вынужден и должен страдать, т.е. страдание, болезненное состояние преступника – это неизбежное следствие преступления. Модель преступления в романе оказывается «заполненной» несколькими иным способом, чем его модели в юридическом и религиозном дискурсах: параметр **«характеристика преступления»** представляется неопределяющим, так как преступления против Бога и человека оцениваются автором по общей шкале христианских заповедей, в результате чего и гордыня героя, и убийство представляются тяжкими грехами. В авторской модели тесно переплетается материальное и идеальное: **«источником преступления, его причиной»**, по Достоевскому, является не только и не столько крайняя нищета его героя, но и его помыслы, основанные на гордыне, противопоставлении себя другим. Специфическим в данной модели представляется параметр **«объект преступления»**, в наполнении которого задействован и **«субъект убийства»** («Я себя убил, а не старушонку»).

На языковом уровне в ядро концепта *преступление* в тексте романа, помимо ключевых лексем (*преступление, грех*), входят единицы, обозначающие **преступника** (*преступник, грешный, грешница, убийца, убивец* и др.), **объект преступления** (лексема *старуха*, реже другие наименования - *процентщица, Алена Ивановна, коллежская регистраторша*), **преступление** (прежде всего, *убийство*, обладающая высокой степенью частотности), конкретные **действия преступника** (*делать пробу, убить, украсть* и др.). По степени частотности выделяются лексемы *преступать, убить* и их дериваты: *преступление* – 49 раз, *грех* – 21, *преступленьице* – 1, *преступать* - 2, *преступник (и)* – 21, *убийство* – 29, *убивство* – 2, *убийца* – 26, *убивец* – 5, *убивать* – 12, *убил* – 99. Примечательно, что единицы,

обозначающие орудие преступления, *топор* и *деньги* встречаются в романе соответственно 62 раза и 119 раз.

В целом языковое воплощение исследуемого концепта реализуется как единицами, характерными для общекультурного представления о преступлении и для юридического и религиозного дискурсов (прежде всего, *преступление*, *грех*, *убийство*, *кража/покража* и т.д.), так и специфическими для романа маркерами «преступления». **Первый пласт** авторских единиц связан с авторским пониманием «преступления», при котором гордыня считается первопричиной дальнейших грехов/преступлений героя, именно на ее почве рождается разрешенная ею греховная мысль и складывается запретная теория: *горд (горда)*, *свысока*, *теория*, *теорийка*, *идея*, *мысль*, (*престранная*, *тревожная*, *мучительная*, *темная скверная*, *подлая*), *мрачный катехизис* и т.п. Наиболее частотными являются лексемы *мысль* (166 раз), *теория* (11 раз), *идея* (10 раз), менее частотны *гордость* (4 раза), *фантазия* (2) и т.д. Данные единицы указывают на крайне напряженную умственную деятельность героя, замышляющего преступление и обдумывающего его результат, и в целом характерны для дискурса Достоевского.

Второй пласт авторских маркеров «преступления» определяется особым осмыслением связи греха/преступления и болезни, при котором болезнь расценивается и как причина, и как следствие преступления: *болезнь (прилипчивая, опасная, жестокая)*, *старуха болезнь*, *болезненное ощущение*, *болезненное состояние*, *помрачение*, *упадок воли*, *лихорадка*, *горячка* и т.п. Обилие в тексте подобных маркеров концепта представляется неслучайным, так как оно отражает авторское понимание «преступления». *Болезнь*, встречающаяся в романе 59 раз, представлена различными вариациями: *больно* (78), *больной* (11), *болезненно* (8), *болезненное (-ая, -ые)* (13). Лексемы *болезнь* и *мысль* являются частотными единицами в романе, что подтверждает их значимость в художественной картине мира Ф.М. Достоевского.

Анализ содержания дискурсивных вариантов концепта «преступление» дает возможность утверждать, что зону пересечения этих вариантов в тексте романа составляют единицы *преступление*, *грех*, *болезнь*, *страдание*, *теория*.

В разделе 3.9 «Общекультурное содержание концепта «наказание»» исследуется представление о «наказании» в языковой картине мира носителя русского языка XIX века. Согласно данным толковых словарей и других лексикографических источников, данный концепт реализуется большим количеством репрезентантов, ключевыми из которых являются единица *наказание* и производные глагола *наказывать*. Ядро концепта представлено также единицами *кара*, реже *возмездие*, к ним примыкают лексемы *карать*, *тюрьма*, *смертная казнь*, *штраф* и др., уточняющие **содержание наказания** и **типы наказания**. На дополнительные семантические компоненты «наказания» указывают глаголы, конкретизирующие **акт наказания** (*налагать*, *заслужить*, *подвергнуться*), прилагательные, **характеризующие наказание** (*тяжкое*, *телесное*, *исправительное*, *уголовное*, *церковное*), а также единицы, определяющие **смежные понятия** (*закон*, *право*, *суд*, *преступление*, *справедливость*, *вина*) и др.

В разделе 3.10 «Концепт «наказание», его содержание и языковые маркеры в юридическом дискурсе» выявляется содержательная структура концепта, которая характеризуется тесной взаимосвязью с «преступлением», считающимся в

данной дискурсивной практике отправной точкой наказания и определяющим как сам факт наказания, так и его тип и интенсивность.

При всем многообразии видов наказания и других варьирующихся параметров модели «наказания» параметр **«субъект наказания»** остается неизменным, так как суть юридического наказания состоит в том, что оно должно быть законным. В юридической картине мира система наказаний представляется жестко структурированной, и выбор соответствующего наказания определяется рядом факторов (мера умышленности, участия и др.).

На языковом уровне маркерами концепта «наказание» являются ключевая лексема *наказание* и дериваты глагола *наказывать*, а также синонимичные единицы, не только называющих наказание как деяние, но и уточняющие его **содержание**: *возмездие, правовое последствие преступного деяния*. Разные семантические компоненты содержания концепта фиксируются в языке единицами, описывающими параметры **объект** и **субъект преступления** (*виновный, осужденный, приговоренный; суд, государство* и др.), **характеристику наказания** (*уголовные, исправительные, общие, исключительные, телесные, особенные* и др.), **действия, совершаемые над преступником** (*сослать, заключить в тюрьму, наложить штраф, сделать выговор, лишить прав; ссылка на поселение в Сибирь, арест, денежные взыскания* и др.), а также **репрезентантами концепта «преступление»**.

В разделе 3.11 «Концепт «наказание», его содержание и языковые маркеры в религиозном дискурсе» описывается специфика концепта в религиозном дискурсе, в котором «наказание» рассматривается как обязательное последствие несоблюдения установленных правил - заповедей.

На языковом уровне ядро концепта «наказание» в религиозном дискурсе представлено ключевой лексемой *наказание* и не менее частотными формами и дериватами глагола *наказывать*, а также единицами *воздаяние, возмездие*. В ядерную зону концепта входят также единицы, называющие **субъекта наказания** (*Бог, Божья воля, рука Бога* и др.), **объект наказания** (*грешник, преступник*), **действия**, представляющие наказание (*качать, предать смерти, забвению* и т.п., *изгнать* и др.), **орудие и виды наказаний**, метонимически связанные друг с другом (*стихийные действия, пожар, потоп, наводнение, война, болезнь*, и т.д., а также *побои, смерть, несчастье, разорение, штраф, обличение* и др.; *предать смерти, изгнать, обрушить (смерть, болезни, голод, стихийные бедствия)*).

Раздел 3.12 «Концепт «наказание», его содержание и языковые маркеры в романе «Преступление и наказание» посвящен анализу исследуемого концепта в художественном тексте. Замысел Ф.М. Достоевского определил сосуществование в тексте романа двух взглядов на сущность «наказания» – юридического и религиозно-нравственного, в результате художественный концепт «наказание» выстраивается через проекцию дискурсивных (юридического и религиозного) вариантов концепта и наполняется специфическим содержанием. В данной модели концепта «наказание» параметр **«вид наказания»** представляется определяющим, так как в романе наказание имеет двухслойную основу: юридически присужденный вид наказания (каторжные работы в Сибири) и внутреннее наказание (болезнь, мучение, страдание), которое представляется важнее первого, что проявляется на языковом уровне. Специфическим представляется и параметр **«Субъект**

преступления», поскольку наказание является не столько внешней силой (государство, Бог), сколько внутренней – наказание изнутри. Преступная мысль Раскольникова, толкнувшая его на преступление, становится субъектом наказания и «палачом» преступника. **Закон** как контролирующая человеческие отношения сила в дискурсивных моделях концепта (так же как и в моделях «преступления») выражается в общем понятии Закон, который в юридическом дискурсе определяется как юридический (положительный) или государственный, в религиозном – Божий, в романе – древний закон, закон природы.

На языковом уровне в ядро концепта «наказание» в романе, помимо ключевых лексем (*наказание, наказать*), входят единицы, обозначающие преступника и как объект, и как субъекта наказания (*он, Раскольников, реже убийца, подсудимый, безбожник, богохульник*), а также многочисленные маркеры действий, совершаемых над преступником (*судить, осудить, приговорить, присудить*), прежде всего, *мыслью*, терзавшей его душу (*мучит, беспокоит, пугает, поражает* и т.п.). Ядро концепта дополняют единицы, называющие орудие «наказания», при этом орудия юридической сферы оказываются менее принципиальными (*суд, судья, приговор*) и, как следствие, более периферийными, в то время как маркеры орудия «внутреннего» наказания крайне многочисленны. По степени частотности маркеры «наказания» можно распределить следующим образом: лексемы *судить, наказать, приговорить* и их производные: *наказание* – 4 раза, *суд* – 6, *судить* – 21, *подсудимый* – 3, *приговор* – 6, *приговорить* – 3; вид наказания / место наказания: *каторга* - 10, *ссылка* - 2, *острог* – 39.

Языковое воплощение исследуемого концепта реализуется и специфическими для романа маркерами «наказания». **Первый пласт** подобных единиц связан с авторским пониманием «наказания»: *болезнь* и ее проявления (*прилипчивая, опасная жестокая*), *болезненное состояние, болезненные сны, болезнь в рубашке, лихорадочное состояние, временное помешательство, бред* и др. Болезнь героя представлена в романе различными вариациями: существительное *болезнь* - 59 раз, а также *больно* (78), *больной* (11), *болезненно* (8), *болезненное* (-ая, -ые) (13).

Второй пласт маркеров «наказания» составляют единицы, показывающие внутренние **страдания** героя (*страдание необыкновенное, бесконечное, ненасытимое, великое*), *страшное мучение, тревога беспредметная и бесцельная, муки*. Наиболее частотными являются единицы *страдание* (29), *страдал* (11), а также *страдать* (6), *страдальчески* (2), *страданице* (2), *перестрадать* (1).

Репрезентация концепта «наказание» характеризуется пересечением единиц *наказание, болезнь, страдание*, транслирующими разное дискурсивное наполнение концепта. В целом можно утверждать, что на концептуальном уровне полидискурсивность художественного текста отразилась в сложной организации ключевых концептов романа, что нашло отражение в их особом языковом воплощении. Юридическое *преступление* в тексте романа сопоставляется с *грехом* и соотносится не только с *убийством*, но и с *гордыней*. *Наказание*, назначенное герою в рамках правовой практики XIX в., оказывается несравнимым со *страданием, болезнью* и *отчуждением* от других людей. В результате лексемы *мысль, теория, идея* характеризуют, с одной стороны, состав преступления, а с другой стороны, его наказание. Несовершенной, с точки зрения Ф.М. Достоевского, российской системе наказаний автор противопоставил естественный ход

человеческой природы, при котором наказание (как и преступление) неизбежно рождается внутри человека.

Таким образом, языковые маркеры полидискурсивности представляют собой определенные инициаторы дискурсивных смыслов и отражают тесное взаимодействие дискурсов (тематическое, жанровое, концептуальное) в структуре художественного текста с целью воздействия на «духовное пространство» читателя.

В заключении подводятся общие итоги проведенного исследования, намечаются перспективы развития научной темы.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях

В журнале, входящем в перечень рецензируемых научных журналов и изданий:

1. Кожина М.А. Жанр судебной речи в полидискурсивной структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / М.А. Кожина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 353. – С. 22-26.

Статьи в других научных изданиях:

2. Кожина М.А. Языковая репрезентация ментальной деятельности человека в дискурсивном пространстве романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / М.А. Кожина // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конференции молодых ученых : в 2 т. / под ред. А.А. Казакова. – Томск : Изд-во Том гос. ун-та, 2009. – Вып. 10, т. 1 : Лингвистика. – С. 83-86.

3. Кожина М.А. Юридический дискурс и его языковые маркеры в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / М.А. Кожина // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конференции молодых ученых : в 2 т. / под ред. А.А. Казакова. – Томск : Изд-во Том гос. ун-та, 2010. – Вып. 11, т. 1 : Лингвистика. – С. 83-86.

4. Кожина М.А. Жанр допроса в полидискурсивной структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / М.А. Кожина // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конференции молодых ученых : в 2 т. / под ред. А.А. Казакова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. – Вып. 12, т. 1 : Лингвистика. – С. 154-159.

5. Кожина М.А. Письменная Личность Ф.М. Достоевского (на материале романа «Преступление и наказание») / М.А. Кожина // Естественная письменная речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть IV: дискурсы и жанры письменной речи: сборник научных статей / под ред. Н.Б. Лебедевой ; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2011. – С. 184-190.

6. Кожина М.А. Филь Ю.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского в аспекте изучения ключевых концептов юридического дискурса XIX и XXI вв. / М.А. Кожина, Ю.В. Филь // Речевая коммуникация в современной России : материалы II международной конференции (Омск, 27-30 июня 2011 г.) : в 2 т. – Омск : Вариант-Омск, 2011. – С. 313-318.

7. Кожина М.А. Полидискурсивность романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / М.А. Кожина // Межвузовский сборник трудов

молодых ученых // науч. ред. О.Н. Кондратьева, отв. ред. Н.Н. Кошкарлова. – Челябинск : Уральская Академия, 2011. – Вып. 4. – С. 96-102.

8. Кожина М.А. Концепт «преступление» в полидискурсивной структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / М.А. Кожина // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конференции молодых ученых / под ред. А.А. Казакова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – Вып. 13, т. 1 : Лингвистика. – С. 142-147.

9. Кожина М.А. Место и роль жанров юридического дискурса в структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / М.А. Кожина // Язык и культура : сборник статей XXII Международной научной конференции. 30-31 мая 2011 г. / отв. ред. С.К. Гураль. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – С. 64-68.

10. Кожина М.А. Ментальное поле романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (Дискурсивный аспект) / М.А. Кожина // Язык и культура : сборник статей XXII Международной научной конференции. 30-31 мая 2011 г. / отв. ред. С.К. Гураль. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – С. 69-71.

Подписано в печать 21.11.2012 г.
Формат А4/2. Ризография
Печ. л. 1,5. Тираж 130 экз. Заказ № 21/11-12
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а